

Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е годы

Владимирская губерния, в состав которой входил Переславль-Залесский, славилась с. 96
большим числом исторических памятников. Многие из находившихся во Владимирской
епархии 40 монастырей и более тысячи храмов представляли собой замечательные па-
мятники, неразрывно связанные с событиями древней истории Отечества. В сотнях дво-
рянских усадеб были сосредоточены бесценные художественные и исторические реликвии
XVIII—XIX веков. Это были подлинные культурные гнёзда, разбросанные по всей террито-
рии края.

Уникальность региона состояла и в том, что, пожалуй, ни одна российская губерния
не имела столько прославленных стариной уездных (то есть малых) городов. Ведь без Му-
рома, Суздаля, Переславля-Залесского, Юрьев-Польского, Александрова, Гороховца невоз-
можно изучать духовную и материальную культуру Центральной России XII—XVII веков.

Древние памятники края интересовали до революции не только столичных учёных. В са-
мой Владимирской губернии усилиями членов учёной архивной комиссии были заложены
прочные традиции глубокого научного интереса к местной старине. Это обстоятельство
положительно повлияло на судьбу памятников в драматические для них 1920—1930-е годы.

В результате революционных преобразований конца 1917—1918 гг. сотни усадеб, десят-
ки монастырей, множество городских владений потеряли своих хозяев, и замечательные
историко-художественные ансамбли и коллекции оказались на грани гибели. Но именно
во Владимирской губернии удалось создать одни из первых в Советской России провинци-
альные органы по руководству музейным делом и охране памятников. Уникальные источ-
ники о музейном строительстве и памятникоохранительной деятельности во Владимирской
губернии в 1920-е годы хранятся в Отделе письменных источников Государственного исто-
рического музея (ОПИ ГИМ).¹ Разнообразные документы, хранящиеся в отдельных папках
Владимирского областного, Переславль-Залесского, Муромского, Суздальского, Алексан-
дровского, Юрьев-Польского музеев рисуют картину спасения и музеефикации множества
памятников архитектуры, искусства и быта.

Именно благодаря этому к середине 1920-х годов в губернии действовало 12 музеев
(до революции было лишь 2 музея).² По интенсивности развития музейной сети в самой бо-
гатой музеями Центральной промышленной области РСФСР Владимирская губерния стояла
на третьем месте после Московской и Ярославской.

В мае 1918 года во Владимире была создана губернская комиссия по охране памятни- с. 97
ков старины и искусства, в число которой были избраны И. М. Херасков (председатель),

*Козлов, В. Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е годы / В. Ф. Козлов // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском. / Под редакцией А. А. Черёмина. — М.: «Московедение», 1998. — С. 96—105.

¹Козлов, В. Ф. Обзор документов отдела письменных источников Государственного Исторического музея о музейном деле и охране памятников истории и культуры во Владимирской губернии в первые годы Советской власти (1918—1927 гг.) / В. Ф. Козлов // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — М., 1985. — С. 204—211.

²Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии во время революции и его ближайшие задачи / А. И. Иванов // Труды 2 конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии 1—6 ноября 1925 г. — Владимир, 1926.

Х. В. Медведков (товарищ председателя), А. Н. Зенкевич, Н. В. Малицкий, имевшие опыт работы с памятниками во Владимирской губернской учёной комиссии. 12 декабря 1918 г. на губернском съезде по народному образованию было решено приступить к организации уездных коллегий в городах Вязниках, Муроме, Переславле, Суздале, Юрьеве-Польском. К середине 1919 г. в этих уездных городах, а также в Мстере действовали уездные музейные органы.¹ В остальных городах губернии с 1 июля 1919 г. губернский подотдел утвердил должности особых агентов по охране и собиранию памятников искусства и старины. Именно в малых городах происходила основная работа по спасению памятников и музейному строительству.

Пожалуй, самая интенсивная памятникоохранительная и музейная деятельность в губернии в 1920-е гг. велась в Переславле-Залесском — древнейшем городе Владимирского края. Здесь существовало 4 старинных монастыря и 25 храмов, в которых были сосредоточены значительные духовно-исторические реликвии и художественные памятники. Уездный орган по музейному делу и охране памятников был создан в Переславле в декабре 1918 г. Руководителем подотделом по охране памятников стал Михаил Иванович Смирнов, уроженец Переславского края, окончивший в 1914 г. Московский археологический институт. Научным сотрудником подотдела был Д. Н. Кардовский — художник, бывший профессор Петроградской Академии живописи.

М. И. Смирнов понимал, что в условиях революционной вакханалии лучшим средством спасения движимых памятников из имений, монастырей, церквей станет вывоз в Переславль художественно-исторических предметов и организация в городе музея. М. И. Смирнов дважды (15 сентября и 22 октября 1918 г.) обращается в Наркомпрос РСФСР с просьбой передать из Румянцевского музея картины из собрания уроженца Переславля И. П. Свешникова. Вскоре Наркомпрос пересылает в Переславль 45 картин Свешниковского собрания, до сих пор являющегося украшением краеведческого музея. Сам М. И. Смирнов считал день первого обращения в Наркомпрос 15 сентября началом подготовительных работ по созданию местного музея.² В другом отчёте М. И. Смирнов писал, что «музей возник в конце 1918 г.» Видимо, речь идёт о фактическом начале работы по комплектованию создаваемого музея. Действительно, по архивным документам, первые поступления (12 картин, 16 гравюр, 26 наименований фарфора, а также мебель, оружие) в музей из имения Е. Г. Журавлёвой датируются 30 октября и 25 декабря, а картины И. П. Свешникова поступили 31 декабря 1918 г.³ Постановлением исполкома от 31 января 1919 г. под музей передано здание духовного училища в Горицком монастыре.

с. 98

В феврале—мае 1918 г. собрание пополнилось как за счёт переданных из ЧК церковных облачений, утвари, монет, так и за счёт вывезенного имущества из имения Нарышкиных (село Загорье), «Трёхселища» Леонтьева, «Гагаринских Новосёлок» князей Гагариных. Из последней усадьбы в Переславль 17 и 27 марта 1919 г. было перевезено 73 предмета старинной мебели, зеркала, канделябры, люстры и даже две пушки.⁴

Столь быстро растущее собрание конечно же нуждалось в окончательном оформлении, и 28 мая 1918 г. в восьми комнатах Горицкого монастыря состоялось торжественное открытие Переславль-Залесского народного музея. Он состоял из шести отделов: художественного (47 картин из собрания И. П. Свешникова), художественно-бытового (обстановка — мебель из имения Гагариных), естественно-исторического, родниоведения, а также библиотеки (2 тысячи томов) и исторического архива.

Заведующего новым музеем волновала не только судьба памятников архитектуры и искусства, но и брошенные ценные усадебные архивы. Из имений «Тихое пристанище», Семендяйки, Новосёлок, Бектышево вывозились связки документов XVII—XVIII вв. Но главным

¹Козлов, В. Ф. Обзор документов отдела письменных источников Государственного Исторического музея о музейном деле и охране памятников истории и культуры во Владимирской губернии в первые годы Советской власти (1918—1927 гг.) / В. Ф. Козлов // Теории и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — М., 1985. — С. 208.

²ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 687. Л. 106.

Любопытно, что в справке о музее 1922 года сам М. И. Смирнов писал, что он «заведует музеем со 2 июня 1918 г.» Видимо, это дата назначения его на должность заведующего подотдела.

³Там же. — Л. 27—29.

⁴Там же. — Л. 58—59.

было спасение из разграбленных дворянских гнёзд художественных произведений. Из имения Бектышево Волкова с марта по август 1919 г. вывезено в Переславль много картин, антикварной мебели, 45 единиц старинного оружия.

В музей свозились и художественные памятники из ликвидируемых переславских монастырей. В середине 1919 г. из Никольского женского монастыря привезли царские врата, иконы, связки архивных дел XVII—XVIII веков, а из Никитского — 5 портретов, 12 облачений, крест и посох.¹

Спасению и собиранию памятников церковного искусства М. И. Смирнов придавал большое значение — храмы и монастыри играли особую роль в жизни города и края. Заведующий музеем в мае 1919 г. обращался в Наркомпрос с просьбой разрешить привлечь к работе в комиссии игуменью переславского Фёдоровского монастыря Олимпиаду «как прекрасно знающую церковную старину». В октябре 1919 г. сам М. И. Смирнов вывез из Сольбинской пустыни (40 вёрст [43 км] от Переславля) старинные иконы, облачения, монастырский архив. В начале 1921 г. Переславль-Залесской секцией по делам музеев и охране памятников искусства и старины приняты под охрану 5 переславских монастырей, 3 соборных храма, 6 приходских церквей и несколько сельских храмов и часовен. Позднее в музее был создан отдел церковной старины.

Важнейшим событием в деле сохранения памятников Переславля стала передача в августе 1925 г. Переславль-Залесскому музею исторических монастырей: Горицкого, Данилова, Никитского, Фёдоровского, Никольского, а также пяти закрытых церквей XVIII в. Через год Данилов монастырь стал филиалом местного музея.²

Музей был главным и практически единственным учреждением, занимавшимся защитой памятников. В 1923—1924 гг. на учёте и под охраной музея по Переславлю числилось 64 архитектурных памятника. Фонд музея насчитывал около 4 400 предметов музейного характера, а его библиотека — более 22,5 тысяч томов.³ Гордостью музея был огромный архив (2 вагона), составленный в основном из спасённых монастырских, усадебных архивов и ликвидированных городских учреждений. К сожалению, это замечательное собрание важнейших для Переславского края источников по категоричному требованию Владимирского областного музея было перевезено в 1924 г. в губернский архив.

К середине 1920-х годов постановка музейного и памятнико-охранительного дела в Переславском крае было известно далеко за пределами губернии. В городе успешно действовало созданное ещё в 1919 г. одно из лучших краеведческих обществ СССР, издававшее интересные труды-сборники. Многие успехи в этой области были достигнуты благодаря энергии и самоотверженной работе М. И. Смирнова. Проверивший в 1926 г. деятельность музея Б. В. Иванов счёл необходимым особо указать на эти качества:

Я лишь позволю себе отметить его [то есть Смирнова] совершенно исключительную энергию и удивительно широкий подход к работе. Приходится поражаться, как мог один человек создать такое большое дело при наличии огромного количества, к сожалению, ещё не устранённых и ныне препятствий, явившихся в результате далеко не полного понимания со стороны местных органов власти задач и значения музея.⁴

Увы, история отпустила слишком мало времени на конструктивную работу. Музейное строительство ещё продолжалось: в 1926—1927 гг. в малых городах губернии — Коврове, Гороховце, Меленках были открыты небольшие музеи. Но все чувствовали, что наступала другая эпоха, с другими ценностями, с нигилистическим отношением к историческому наследию. Основы такого отношения были заложены идеологией революции 1917 г., в результате чего гибли усадьбы, закрывались монастыри, расхищалось их имущество. Однако до середины 1920-х годов никто из властей не покушался на сохранность самих монументальных памятников. Музейщикам, несмотря на потери, удавалось в целом сдерживать натиск атеистической власти, сохранять храмы, древний облик городов.

¹ Там же. — Л. 27—29.

² Там же. — Л. 129—131.

³ Там же. — Л. 70—73.

⁴ Там же. — Л. 116.

с. 100

Перелом и самое страшное произошло с 1927—1928 годов, когда центральные власти приступили к решительному разрушению сохранявшихся устоев народной жизни. Рычагами этого невиданного дьявольского процесса были лихорадочно проводившиеся индустриализация, коллективизация и культурная революция. Для немедленного воплощения бредовых идей нужны были здания амбаров, бань, школ, клубов. Не беда, что кирпичные заводы не могли сразу дать столько строительных материалов. По указанию центра горсоветы закрывали и перестраивали храмы или вовсе разбирали их на кирпич. Монастыри, церкви, часовни, иконы стали восприниматься властями как антисоветские символы. Химерические мечты о социалистических городах вызывали у доморощенных архитекторов и планировщиков желание вовсе снести старые ансамбли.

Храмы малых городов особенно пострадали от коллективизации. Необходимость зерновых складов, мест размещения кулаков и лишенцев служила основанием для ликвидации церквей. Начало индустриализации и «благоустройство» городов превратило монастырские ансамбли, церкви, кладбища в лакомый кусок для центральных и местных коммунальных служб. Ради колоколов, церковной бронзы и серебра, металла решёток и оград, строительного материала, дорогих церковных тканей закрывались и уничтожались тысячи храмов. Бешеная антицерковная пропаганда преследовала и цели разрушения православия — духовного стержня русского народа.

Пример нигилистического отношения к православным святыням подавала боголюбивая вчера Москва, где с 1925 года начали сносить храмы. В 1927—1928 годах там было снесено до десятка церквей и часовен. Не отставали от красной столицы и другие крупные города: Нижний Новгород, Ярославль, Кострома и Владимир, где не менее активно шло наступление на православие.

Именно 1928 г. стал началом трагедии и малых городов, и России. Только за пять лет этого невиданного похода безбожия многие города потеряли значительную часть своих храмов.¹ Перед историками стоит задача восстановить хронику разрушения православных святынь российской провинции, вскрыть мотивы вандализма, назвать имена исполнителей и подручных. Неплохим, хотя и односторонним и неполным источником, может служить периодическая печать тех лет. Однако ещё больше информации об этих роковых годах дают малоизвестные архивные материалы, в частности фонд Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), осуществлявших до 1934 г. учёт, ремонт и реставрацию памятников, обмеры сносимых храмов. В Центральном муниципальном архиве Москвы (ЦМАМ) хранятся протоколы заседаний ЦГРМ, в которых детально зафиксирован весь ужас разрушения святынь в исторических городах европейской части России.² Приводимые ниже свидетельства, почерпнутые из этих протоколов заседаний и безбожной периодики тех лет, относятся лишь к некоторым русским старинным малым городам, но и этого достаточно, чтобы приблизить нас к пониманию масштаба и мотивов национальной катастрофы времён первой пятилетки.

с. 101

Первые признаки надвигающегося вала вандализма стали проявляться в 1927 году, когда в Москве впервые были приговорены к сносу сразу несколько храмов и часовен. Маховик стал раскручиваться и на местах. Тогда же власти города Тотьмы Вологодской губернии предложили разобрать несколько деревянных церквей и использовать материалы для постройки школы.

В 1928 году уже из многих старинных городов стали поступать тревожные вести о желании властей разобрать церкви на кирпич. Суздальская госфондовая комиссия возбудила вопрос о ликвидации нескольких тёплых церквей XVIII века. Городские и уездные исполкомы из других городов посылали в ЦГРМ письма с информацией о необходимости разборки церквей: в Кашине сразу девяти; по одной — в Ростове, Кинешме, Решме; колокольни в Муроме. Соликамский горсовет постановил закрыть сразу шесть церквей, передав их в ведение местного коммунального отдела.

Архитектурный отдел ЦГРМ, куда обращались с ходатайствами или информацией о сносе храмов, видимо, не справлялся с валом требований. Однако защищали в отделе преимущественно выдающиеся памятники, давая разрешения на слом церквей XVII—XVIII веков.

¹Козлов, В. Ф. Трагедия малых городов России / В. Ф. Козлов // *Россияне*. — 1995. — № 7—8. — С. 67—79.

²ЦМАМ. Ф. Р-1. Д. 5, 6, 9, 13, 16.

Так, были отданы на снос церкви Суздаля, Кинешмы, Решмы, Мурома. Весьма показательны в этой связи формулировки архитекторов-реставраторов ЦГРМ: «...Считать допустимым разборку церквей Суздаля Смоленской, Дмитровской, Борисоглебской (все XVIII в.) ввиду их изношенности» (решение от 10 января 1928 г.). Не возражая против разборки Воздвиженской церкви Ростова (XVII в.), реставраторы определили её как «не особо ценный памятник». Кстати, эта формулировка прочно вошла в обиход органов охраны памятников в конце 20—30-х годов. Ростовская Воздвиженская церковь была, вероятно, первой из взорванных в малых городах. Это усовершенствование скоро было взято на вооружение и нашло широкое применение.

Случалось, желая спасти тот или иной ценный памятник от разрушения, московские архитекторы и реставраторы предлагали взамен обречённых другие церкви. Так, ЦГРМ в ответ на требование исполкома Великого Устюга снести две церкви, постановил:

Признать недопустимым разборку на кирпич церквей Иоанна Богослова и Петра и Павла как имеющих историко-художественное значение и указать на возможность сломки для извлечения кирпича других церковных зданий города, не обладающих археологической ценностью.

Иногда музейные работники шли на компромисс, разрешая сломать части церковного ансамбля, например колокольню, приделы. В том же Ростове Великом летом 1928 г. горсоветом был намечен снос Благовещенской церкви 1682 года с великолепным иконостасом и иконами того же времени. Повод был не нов: мешало дорожному движению — «вызывало необходимость объездов». ЦГРМ предложил сломать часть поздних пристроек церкви. Но такие уступки являлись всего лишь отсрочкой.

с. 102

С середины 1928 г. местные власти начали, почувствовав безнаказанность, планировать перестройку или слом нескольких городских ансамблей.

Посланный в Великий Устюг для обследования памятников архитектуры сотрудник ЦГРМ П. А. Фэйт писал:

В здании бывшей женской гимназии строится электростанция, тепловую энергию которой предполагается утилизировать для бани, намечаемой постройкой на месте предназначенной к сломке церкви Александра Невского. Церковь Иоанна Богослова предложено снести с устройством на освобождаемой территории лесопильного завода; архив же, находящийся в здании церкви, перенести в церковь Преображения. У последней предполагается удалить колокольню... В церкви Михаила Архангела, где помещаются мастерские арестного дома, делаются переустройства — пробит свод, могут быть разобраны художественные кафельные печи... Местным губернским финансовым отделом уничтожено много колоколов, в числе которых один колокол XVI века музейного значения...

Тучи сгустились и над храмами Юрьева-Польского, Калязина. В первом горсовет постановил расширить улицу 1 Мая за счёт сломки Воскресенской церкви XVII века. Власти древнего Калязина в июне 1928 г. поставили вопрос о сносе Калязинского монастыря. Следует отметить, что тогда реставраторы не допустили уничтожения этих памятников.

В 1930-х годах на смену беспорядочному закрытию церквей пришла продуманная система планировки городов, уничтожение целых кварталов в угоду социалистической перестройке. Идея воплощалась в Москве, Ярославле, Владимире, Костроме и других городах, где сносы проводились практически уже непрерывно. Но в недрах НКВД зрели проекты перепланировки и малых городов.

Зловещая угроза нависла над Переславль-Залесским. Бюро планировки городов при Картоиздательстве НКВД в августе 1928 г. сообщило в органы охраны памятников, что составляется проект перепланировки и расширения города с занятием под парк Борисоглебского кладбища, отводом под строительство ряда участков, занятых церковными зданиями. Правда, инженеры НКВД заверяли, что в неприкосновенности сохраняют кремль и городище с валами. Музейный отдел и ЦГРМ, по возможности, боролись за сохранение облика Переславля-Залесского. В город был послан реставратор Н. Р. Левинсон, который после его осмотра подтвердил уникальность города и предложил выработать особые критерии определения ценности памятников архитектуры для подобных городов. К сожалению, мы почти не знаем реакцию музейных сотрудников Переславль-Залесского на творившийся вандализм. Последние сохранившиеся в ОПИ ГИМ музейные отчёты датированы 1926 годом.

с. 103

Во второй половине 1920-х годов, особенно с 1929 г., ко всем прочим опасностям социального и экономического характера добавилась угроза достигшей своего апогея антирелигиозной пропаганды.

Однако вернёмся к судьбам малых городов. В 1929 году маховик разрушения и нигилизма продолжал набирать силу и достиг своего апогея к концу года. Массовый масштаб приобрёл к концу года процесс закрытия церквей и главных соборов малых городов России. Были закрыты соборы в Ряжске, Егорьевске, Юрьеве-Польском, Серпухове, Великом Устюге, Боровске, Ижевске, Павлове, 3 церкви Серпухова, 8 церквей Мурома и другие. Самое страшное начиналось сразу после закрытия церкви, лишённой защиты своего прихода. Храмы приспособлявали под клубы, общежития, кинотеатры, красные уголки, даже детские ясли и бани. Первым страдало внутреннее убранство: иконостасы, иконы, церковная утварь, книги и так далее, всё, что создавалось народом и благоговейно передавалось из поколения в поколение. Кое-что удавалось спасти — перевезти в местный музей, в Москву, губернский музей. Большинство же памятников гибло на месте, шло на дрова, уничтожалось с остревением, достойным апокалиптического часа. В закрытой Крестовоздвиженской церкви — одной из лучших, художественном памятнике города Углича, с оригинальной восьмигранной колокольной, иконостас был распилен на дрова.

Вакханалия разрушений охватила страну, стала неотъемлемой частью старинных центров России. В 1930—1931 гг. были приняты решения Наркомпроса об объявлении ряда городов музеями. Практически все они относятся сегодня к малым городам: Суздаль, Великий Устюг, Гороховец, Переславль-Залесский, Ростов Великий и другие. Хотя это в целом сохранило облики городов, всё же после 1930 г. исчезли десятки памятников. В стране, в её культуре, отношении к национальным святыням стали происходить, как мы видим с высоты сегодняшнего дня, необратимые процессы. Были отстранены от работы или арестованы многие защитники местных памятников, известные учёные, краеведы: В. И. Смирнов (Кострома), [?. ?]. Золотарёв (Рыбинск), М. И. Смирнов (Переславль-Залесский). Последний был тогда уже широко известен среди краеведов, любителей старины. В конце 20-х годов, когда Михаилу Ивановичу исполнилось 50 лет, его поздравляла вся культурная Россия, в том числе Луначарский. В 1929 г. всё перевернулось в оценке этого сподвижника в официальной печати: «Смирнов — проповедник кулацкой идеологии... с ярко выраженной идеологией и религиозностью». Вскоре М. И. Смирнов был арестован, и древности города лишились своего самого верного защитника.

с. 104

В марте 1930 г. ЦГРМ вынужден был дать горсовету Переславля-Залесского разрешение на сломку Духовской и Предтеченской церквей (XVIII в.). В середине года дело с памятниками города заметно осложнилось. Вот как докладывал об этом на заседании архитектурно-реставрационного отдела известный реставратор Мамуровский:

...Положение памятников в Переславле-Залесском с каждым днём ухудшается. Без согласования с Главнаукой используются и разбираются церковные здания: занята под школу Сергиевская церковь, под клуб Симеон Столпник, при этом иконостасы ломаются без изъятия художественных частей. Разбирается соборная колокольня 1740 г. I категории и сломаны решётки XVIII в. Предполагается разборка зданий Введенской церкви и поднят вопрос о сломке бывшего Даниловского монастыря...

На заседании было решено «отметить недопустимость использования и разборки памятников историко-архитектурного значения без согласования с Главнаукой... Принять меры к срочному изъятию ценных художественных частей...»¹ На более решительные действия авторитета ЦГРМ уже не хватало. Частично разборку ряда зданий удалось всё же приостановить, но уже через год в апреле 1931 г. вопрос встал ещё в более драматичном варианте. Горсовет «просил» разрешения привести в «некультовый» вид 10 церквей, то есть сломки у них оград, крестов, куполов. Эти здания уже осваивались под общежитие, хлебопекарню, склад, столовую, швейную мастерскую, читальню, физкультурный зал, Дом обороны. Горсовет также ждал ответа на запрос относительно сноса как «ветхих или мешающих

¹ Там же. Д. 13. Л. 60—62.

движению» Ильинской, Филипповской, Предтеченской, Борисоглебской церквей, всего ансамбля Никольского монастыря.¹

За небольшим исключением, чтобы сохранить более старые памятники, Наркомпрос дал разрешение на снос остальных, сняв их с учёта. Однако, признавая ненормальность состояния памятников города, в Переславль-Залесский был командирован известный реставратор П. Д. Барановский, который обследовал многие памятники города. Отчётом осмотра памятников П. Д. Барановский подтверждал необходимость сохранения архитектурного облика «города-музея». Рисую разрушение города, он предлагал ради спасения главного допустить разборку глав и «привести в гражданский вид» ряд церковных зданий.²

Положение в Переславле-Залесском усугублялось в этот раз и тем, что в городе решено было строить крупный военный завод, в связи с чем предьявлялась необходимость разборки ряда памятников. В конце концов вся тяжба вокруг памятников старины временно завершилась разделением памятников на те, которые необходимо безусловно сохранить (высшая и первая категории) — 11 памятников, в том числе цельные комплексы Данилова, Никитского, Горицкого монастырей.

К сожалению, допускались к разборке 17 церковных памятников, главным образом XVIII—XX вв.³ В 1932 г. такая цена определялась музейными работниками и реставраторами как единственная возможность спасения главных памятников города. Переславль-Залесский потерял за годы Советской власти около двух десятков церковных памятников, и почти все они были из второго списка, составленного в 1932 г.

Подобный вандализм творился в других малых городах центра России: Ростове, Суздале, Муроме, Балахне, Кашине.

Буквально за несколько лет неузнаваемо изменился облик многих драгоценных для России малых городов, уничтожены достигнутые в 1920-е годы успехи в музейном строительстве и охране памятников. Ликвидация местных краеведческих обществ, арест опытных краеведов поставили древности малых городов перед разрушительными стремлениями местных властей. К счастью, с середины 1930-х годов волна разрушения в стране пошла на спад, а с началом войны почти прекратилась.

Нынешнее состояние Переславль-Залесского во многом результат вакханалии 1930-х гг. В то же время, в послереволюционное десятилетие в Переславле были собраны ценнейшие памятники, составившие сегодняшнее богатство городского музея. Изучение драматических и героических событий 1920—1930-х гг. в области музейного дела и охране памятников малых городов является важной задачей историков-краеведов.

¹ Там же. — Л. 38—42.

² Там же. — Л. 52—57.

³ Там же. — Л. 39—40.